
ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

ДЖ.С. НАЙ-мл.

УМНАЯ СИЛА: ЭССЕ¹

Умная сила – это способность оказывать влияние на других людей для достижения желаемого результата, но, как мы видели, обладание ресурсами силы не гарантирует получение желаемого результата. Оценка ресурсов силы в лучшем случае является всего лишь первым приближением к прогнозированию возможного результата. В этой цепочке недостает способности силы к конверсии, т.е. способности превратить потенциал силы в виде ресурсов в реализацию силы в форме предпочитаемого поведения других людей. Умная сила – это способность превратить ресурсы в стратегию, ведущую к желаемым результатам.

Сила сама по себе не плоха и не хороша. Ее можно сравнить с количеством калорий в диете – больше не всегда значит лучше. Если у вас слишком мало ресурсов силы, возможность достижения желаемого результата уменьшается, но обладание слишком большим количеством силы (в смысле ресурсов) может стать проклятием, а не выгодой, если приведет к излишней самоуверенности и выбору неправильной стратегии для конверсии силы. Существует масса свидетельств, подтверждающих известное изречение лорда Актона о том, что «сила и власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». И к тому же исследования подтверждают,

¹ Изложение этого эссе на русском языке [Нье, 2011] перевод Е.М. Криштоф и И.А. Чихарева и печатается с любезного разрешения автора.

что сила (власть) особенно развращает тех, кто думает, что они ее заслуживают [Illegitimacy moderates the effect of power on approach, 2008; Absolutely, 2010].

Один из психологов определяет «парадокс силы» как ситуацию, когда сила дается тем личностям, группам лиц или государствам, которые защищают интересы добра наиболее социально целесообразным способом, но «то, что люди хотят от лидеров – социальной целесообразности – как раз и разрушается от ощущения обладания силой» [Keltner, 2007, p. 17].

Так же как мы говорим иногда, что мужчина или женщина слишком красивы или слишком умны, имея в виду, что это им вредит, так же и государства могут страдать от «проклятия силы» [Gallaroti, 2009].

В библейской истории о Давиде и Голиафе Голиаф из-за того, что у него были слишком большие ресурсы силы, выбрал неправильную стратегию, которая в конце концов привела его к поражению и смерти. Кроме того, важно помнить, что позже сила развратила царя Давида, когда он стал царем, породив так называемый синдром Батшебы, т.е. право на жену любого из его солдат. Давид понимал, что это неправильно, но не думал, что ограничения распространяются и на него. Маленькие, активные акторы также могут проиграть, если не сумеют приспособиться к меняющемуся контексту. Стратегия соотносит цели и средства, но для этого необходима четкая формулировка цели (желаемого результата), ресурсов и тактики их использования. Умная стратегия дает ответ на пять вопросов. Во-первых, какие цели или результаты являются желаемыми? Так как человек редко имеет все, чего он хочет от жизни, ответ на этот вопрос требует большего, чем просто составления списка своих желаний. Это значит, что нужно сформулировать приоритеты и компромиссы. Также необходимо будет понять соотношения между эгоистическими целями (завладеть чем-то) и общими структурными целями, какие из целей включают в себя нулевую сумму силы и власти, а какие – общую выгоду, которая потребует общего участия в применении силы. Один из историков сказал по поводу «оборонной стратегии 1990-х годов» Дика Чейни, что у нее не было никакой другой конкретной цели, кроме как подтвердить господство США в мире [Suri, 2009, p. 620; Brzezinski, 2007]. Стратегия умной силы должна ответить и на второй вопрос:

какие ресурсы имеются в наличии и в каких контекстах? Здесь понадобится не только точный и полный перечень ресурсов, но и понимание того, когда они понадобятся (или не понадобятся) и как их наличие может измениться в зависимости от ситуации. Затем конверсионная стратегия умной власти задает вопрос о положении и предпочтениях тех целевых объектов, на которые будет предпринята попытка повлиять. Как подчеркивает обзор классических стратегий, очень важно иметь точную картину возможностей и склонностей потенциальных оппонентов [Craig, Gilbert, 1986, p. 871]. Надо знать, что у них есть и, что еще важнее, что они по этому поводу думают. И насколько серьезна и велика вероятность того, что их предпочтения и стратегия могут измениться, в какой период времени и в каком аспекте. Иногда, как, например, в случаях крайней степени насильственного разрушения, предпочтения целевой фигуры не оказывают сильного влияния на успех дела. Например, в случае, если моей единственной целью является убить вас, то, наверное, неважно, что вы об этом думаете. Но в большинстве случаев хорошее знание своих целевых объектов крайне важно для того, чтобы адаптировать используемую тактику для объединения силовых ресурсов.

Это ведет нас к четвертому вопросу – оценке того, какие формы силового поведения с большей вероятностью приведут к успеху. То есть какова в существующей ситуации вероятность успеха в обозримом будущем и при разумных финансовых затратах, в случае, если вы прибегнете к командному стилю поведения, жесткой силе, или будете основываться на сотрудничестве в решении вопросов, включенных в повестку дня, на убеждении и привлекательности или комбинации обоих стилей? И каким образом тактика использования этих двух типов поведения может привести к их конкуренции или усилению одной из сторон? Например, когда использование жесткой или мягкой силы усилит или ослабит другую? Как это может со временем измениться?

И пятое: какова вероятность успеха? Благородные намерения иногда ведут к ужасающим последствиям, если они сопровождаются чрезмерным оптимизмом или «злой слепотой» по отношению к возможному успеху. Например, не имеет значения, каково было качество целей при американском вторжении в Ирак. Но имеет значение тот факт, что вторжение сопровождалось, как теперь вы-

ясняется, полной слепотой и непониманием того, сколько времени и средств понадобится для достижения этой цели. Стоит вспомнить, что древняя традиция теории справедливой войны задавалась вопросом не только о пропорциональности и разборчивости в выборе применяемых средств, но и о том, какими могут быть последствия успеха в этой операции. Здесь нужна осмотрительность, которую реалисты справедливо ставят на первое место в стратегии умной силы. И последнее: если вероятность успеха не выдерживает проверки трезвым суждением, стоит вернуться к первому вопросу и пересмотреть постановку цели, приоритеты и возможные компромиссы. После того, как вы пересмотрели свои цели, стоит еще раз задать себе все те же вопросы, определяющие стратегию умной силы.

Государственная стратегия умной силы

Стратегию умной силы довольно часто умело применяют небольшие государства. Например, Сингапур сделал довольно значительные вложения в военные ресурсы, чтобы выглядеть как «отравленная креветка» в глазах тех из своих соседей, которых им хотелось бы попридержать. Но в то же время правительство соединило этот подход с активной дипломатической деятельностью в Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, а также с усилиями по превращению своих университетов в настоящие центры неправительственной активности в регионе. Швейцария долго использовала комбинацию обязательной воинской повинности и особенностей своей горной местности как средства сдерживания, в то же время привлекая к себе партнеров своими банковскими, торговыми и культурными связями. Катар, крошечный полуостров рядом с Саудовской Аравией, позволил американским вооруженным силам использовать свою территорию как плацдарм для вторжения в Ирак, и в то же время спонсировал «Аль Джазиру», самую популярную в регионе телевизионную станцию, относящуюся крайне критически к действиям американцев. Норвегия стала членом НАТО, чтобы защитить себя, но в то же время развивала прогрессивную внешнеполитическую активность, направленную на развитие помощи зарубежным странам, и выступала посредником в мирных переговорах, чтобы наращивать свою мягкую силу и сбалансировать обратный эффект.

В истории есть много примеров того, как развивающиеся государства довольно удачно прибегали к стратегии умной силы. В XIX в. Пруссия Бисмарка использовала агрессивную военную стратегию, чтобы победить Данию, Австрию и Францию в трех войнах, которые привели к созданию объединенной Германии. Но как только Бисмарк добился своей цели к 1870 г., он направил немецкую дипломатию на создание союзов с соседними странами с целью превратить Берлин в центр европейской дипломатии, где бы происходило разрешение конфликтов. Через 20 лет одной из величайших ошибок кайзера Вильгельма было отмахнуться от наследия Бисмарка, отказаться от возобновления его политики «подтверждения договора» с Россией и бросить вызов Великобритании и ее морскому превосходству в открытом море. После реставрации династии Мейдзи в Японии страна создала такую военную мощь, которая позволила ей выиграть войну с Россией в 1905 г. Но кроме этого Япония следовала примиренческой линии в отношениях с Великобританией и США и не пожалела ресурсов, чтобы обеспечить себе привлекательность в глазах зарубежных партнеров [Yasushi, McConnell, 2008]. После того как в 1930-х годах провалился японский проект создания великой Восточноазиатской империи всеобщего процветания (содержавшей компонент мягкой силы и антиевропейской пропаганды), а затем Япония проиграла во Второй мировой войне, страна обратилась к стратегии, минимизирующей применение военной силы и опирающейся на союз с США. Ее целеустремленная политика, сосредоточенная на достижении экономического роста, оказалась успешной в этом направлении, но развитие военного аспекта и мягкой силы было достаточно скромным.

Китай при Мао Цзэдуэне создал свою военную мощь (включая ядерные силы) и использовал мягкую силу маоистской революционной доктрины и солидарность Третьего мира, чтобы создавать себе союзников за рубежом. Но после того как маоистская стратегия была исчерпана в 1970-х годах, китайские лидеры, для того чтобы развивать экономику, обратились к рыночным механизмам. Дэн Сяопин предупреждал своих сограждан, что следует избегать внешних авантюр, которые могли бы подвергнуть опасности внутреннее развитие страны. В 2007 г. председатель Ху Цзиньтао заявил о том, как важно вкладывать в китайскую мягкую силу.

С точки зрения страны, стремительно движущейся вперед в экономическом и военном развитии, это была очень умная стратегия. Сопровождая развитие жесткой силы попытками сделать себя более привлекательными, Китай пытался успокоить своих соседей и сбалансировать свою силу, которая могла бы породить у них тревогу.

В 2009 г. Китай по праву гордился своими успехами в управлении, которые помогли стране выйти из кризиса с высокими показателями экономического роста. Многие китайцы верили, что это доказательство сдвига в мировом балансе сил и что Китай не должен больше чувствовать себя ниже других стран, даже таких, как США. Китайские ученые начали писать об упадке США. Кто-то даже указал на дату 2000 г. как на высшую точку американской силы. «Сейчас люди смотрят на Запад снисходительно, начиная с представителей руководства страной и до академических кругов и простых людей», – говорит профессор Кан Цзяовон из университета Женмин [Pomfret, 2010].

Эта переоценка своей силы (вместе с нестабильностью внутреннего положения) привела к еще более самоуверенной внешней политике Китая в конце 2009 г. Китай просчитался, отклонившись от умной стратегии развивающейся страны и нарушив мудрый завет Дэн Сяопина, который говорил, что Китаю нужно продвигаться вперед осторожно и «умело оставаться в тени» [Beukel, 2010]. Став объектом международной критики и потерпев неудачу в попытке удержать США от отправки войск на Тайвань, китайские лидеры вскоре решили вернуться к стратегии умной силы Дэн Сяопина.

У ведущих стран также есть стимул сочетать ресурсы жесткой и мягкой силы. Империями легче управлять, когда они покоятся на мягкой силе привлекательности в сочетании с жестким насилием. Рим позволял элите покоренных стран претендовать на римское гражданство, а Франция кооптировала африканских лидеров, таких, как, например, Леопольд Сенгор, во французскую политическую и культурную жизнь. Викторианская Британия использовала культуру для привлечения элит из колониальных стран, и, как мы видели раньше, ей удавалось управлять огромной империей с помощью, в основном, представителей местного населения и незначительного количества британских войск. Конечно, со временем это становилось все труднее, так как развивающееся национальное

самосознание изменило контекст и уничтожило мягкую силу британской империи. Развитие Британского Содружества наций было попыткой удержать то, что осталось от той мягкой силы в новом постколониальном контексте.

«Большая стратегия» государства – это видение лидеров этого государства, нацеленное на то, как обеспечить безопасность и благосостояние страны и сохранить ее идентичность (образ жизни, свободу и стремление к счастью, по выражению Джефферсона), а такую стратегию следует приспосабливать к изменяющемуся контексту. Слишком строгий подход к стратегии может стать непродуктивным и даже вредным. Стратегия – это не какое-то мистическое право тех, кто находится на вершине управления. Ее можно применять на всех уровнях [Kennedy, 2010, p. 26].

Важно, чтобы у страны был генеральный план игры, но не менее важно оставаться гибким перед лицом развивающихся событий. По словам одного историка, «"здоровая" большая политика подразумевает такое устойчивое равновесие целей и средств, которое побеждает, несмотря на частые неудачи на уровне стратегии, операций и отдельных кампаний» [McDougal, 2010, p. 173].

Один из политологов, пытавшихся проанализировать состояние мира после «холодной войны», стремился найти формулу, которую можно было бы свести к лозунгу на наклейке, что-нибудь типа «сдерживания» в недавнем прошлом. Но люди забывают, что один и тот же лозунг можно зачастую отнести к разным направлениям в политике, иногда даже противостоящим друг другу [Gaddis, 1982].

Для некоторых «сдерживание» оправдывало и вьетнамскую войну. Для Джорджа Кеннана, автора этой стратегии, это было не так. Гораздо важнее простых формул или умных лозунгов является наличие точной оценки направлений приложения силы и способность предвидеть ответный ход на вашу умную стратегию.

Чтобы правильно оценить такие перемены, необходимо обладать контекстуальным мышлением. Энтони Майо и Нитин Нория из гарвардской бизнес-школы определяют контекстуальное мышление как способность понимать изменения в окружающей среде и зарабатывать на трендах изменяющегося рынка. Во внешней политике контекстуальный ум – это умение интуитивно диагностировать ситуацию, что помогает соединить тактику с целями и

создавать умные стратегии в различных ситуациях [Nye, 2008, Mayo, Nohria, 2005]

Как мы уже видели, ученые мужи и президенты часто ошибались в оценке положения Америки в мире. Например, 20 лет назад было принято считать, что США находятся в упадке и страдают от «имперского самомнения». Через 10 лет, с окончанием «холодной войны», появилось новое общепринятое мнение, что весь мир является однополярной американской гегемонией. Некоторые неоконсервативные теоретики сделали из этого вывод, что США были настолько сильны, что имели право решать, что хорошо, а что плохо, и у всех остальных не оставалось иного выбора, как присоединиться к этому мнению. Чарльз Краутхаммер назвал это мнение «новой однополярностью». И это сильно повлияло на администрацию Буша даже в период до шока 11 сентября 2001 г. и привело к созданию новой «доктрины Буша» о превентивной войне и насильственной демократизации [Krauthammer, 2001].

Но эта новая «однополярность» была основана на глубоком непонимании природы силы в мировой политике и контекста, при котором владение превосходящими ресурсами может привести к желательному результату.

Каковы же основные характеристики мировой ситуации и как они меняются? Существует много различных ответов. Например, один из аналитиков, описывая изменения в мире после «холодной войны», указывал на «четыре важных фактора»: большую концентрацию возможностей в США, что и стало называться «однополярностью»; возврат к политике идентичности, религиозного и этнического национализма; частичный переход силы к номинально более слабым государственным и негосударственным акторам; ускорение глобализации [Posen, 2007].

Самая последняя американская стратегия национальной безопасности так определяет свои главные задачи сегодня: противостоять вооруженному экстремизму и повстанцам; остановить распространение ядерного оружия и охранять ядерные материалы; бороться с климатическими изменениями и поддерживать всеобщее развитие; помогать странам прокормить себя и обеспечить своих инвалидов; предотвращать и разрешать конфликты и преодолевать их тяжелые последствия [Obama, 2010].

Политический контекст сегодня напоминает трехмерную игру в шахматы, в которой межгосударственная военная сила сосредоточена, в основном, в США; межгосударственная экономическая сила распределена в многополярном порядке между США, Европейским союзом, Японией и странами БРИК; управление такими транснациональными проблемами, как климатические изменения, преступность, терроризм и эпидемии, широко рассредоточено. Распределение ресурсов среди акторов сильно отличается в разных отраслях. Мир не является ни однополярным, ни многополярным, ни хаотическим – в нем соединяются все три вида. Таким образом, большая умная стратегия должна быть в состоянии управлять различными распределениями силы в различных областях и понимать условия компромисса между ними. Ничуть не лучше воспринимать мир сквозь призму чистого реализма, сфокусированного на первой шахматной доске, или через призму либерального институционализма, обращенного, в основном, к другим доскам. Сегодня контекстуальное мышление требует нового синтеза «либерального реализма», одновременно следящего за всеми тремя досками. В конце концов, в трехуровневой игре игрок, следящий только за одной доской, непременно проиграет.

Здесь потребуется понимание того, как отправлять власть *вместе* с другими государствами и *над* другими государствами. Что касается проблем, возникающих на первой доске межгосударственных военных отношений, то важнейшим является понимание способов формирования союзов и баланса сил. Но даже знание наилучшего способа вести военные действия мало чем поможет при решении многих проблем на самой нижней доске, таких как болезни, эпидемии и изменения климата, хотя эти проблемы могут представлять угрозу для миллионов людей, сравнимую с военной угрозой, которая традиционно диктовала национальные стратегии. Такие проблемы потребуют совместных действий, совместных институтов и деятельности на благо человеческого сообщества, от которой выиграют все, и никого нельзя будет оставить за бортом.

Теоретики гегемонии рассматривали проблемы переходного периода и развития конфликтов, но кроме этого они также анализировали положительное воздействие гегемонии на предоставление общественных благ. Это привело к созданию теории «гегемонистской стабильности». Общественное благо, от которого выигрывают

все, – недоработанная концепция, так как стимул для его реализации погашается невозможностью запретить другим пользоваться этим благом. Но если у всех есть стимул «ездить бесплатно», то ни у кого нет стимула вкладывать в это средства. Исключением может быть только ситуация, когда одно государство настолько больше других, что оно почувствует положительный эффект от своих вложений в общественное благо, даже если малые государства будут «ездить бесплатно». В этом «казусе Голиафа» [Mandelbaum, 2005] государства-гегемоны необходимы для управления миром и должны быть лидерами в производстве глобальных общественных благ, потому что у малых государств для этого нет ни стимула, ни возможностей.

Когда самые большие государства не справляются с этой задачей, результаты могут быть трагическими для всей международной системы. Например, когда США заняли место Великобритании в качестве мирового лидера в области финансов и торговли после Первой мировой войны, они не справились со своими обязанностями и это положило начало Великой депрессии. Некоторые аналитики обеспокоены возможностью повторения такого опыта [Kindleberger, 1996, p. 223ff].

По мере того как Китай приближается к США по размеру своего участия в распределении экономических ресурсов, возникает вопрос: станет ли Китай «ответственным акционером» (по выражению, введенному в обиход администрацией Буша) или же он продолжит «ездить бесплатно», как это делали США в период между войнами?

Слава богу, превосходство гегемонов – не единственный способ создавать общественные блага в глобальном масштабе. Роберт Кохэн утверждает, что для решения проблем координации и «бесплатной езды» в период «после гегемонии» можно создать международные институты [Keohane, 1984; Snidal, 1985, p. 580–614].

И кроме того, как указывают другие теоретики, теория гегемонистской стабильности – это упрощение, так как общественные блага в чистом виде редко встречаются, а большие правительства часто могут лишить какие-то страны получения определенных благ [Norrlof, 2010].

Маловероятно, чтобы в XXI в. возникло глобальное управление, но определенная степень регулирования на глобальном

уровне уже присутствует. В мире существуют сотни договоров, институтов и режимов для управления определенными областями межгосударственной деятельности, от телекоммуникаций, гражданской авиации, загрязнения океана, торговли и даже нераспространения ядерного оружия. Но такие организации редко бывают самодостаточными. Они все же находятся под покровительством великих держав. И еще не совсем ясно, смогут ли великие державы справиться со своей ролью в XXI в. Мы не знаем, как будет меняться их поведение в этой области по мере того, как мощь Китая и Индии будет возрастать. Некоторые теоретики, как, например, либеральный ученый Джон Айкенберри, утверждают, что существующий сегодня набор глобальных институтов достаточно открыт и гибок и что Китай сочтет выгодным присоединиться к ним. Другие считают, что Китай захочет навязать свое собственное решение и создать свои собственные международные институты [Ikenberry, 2009].

Но тем, кто считает, что к середине XXI в. сложится трехполярный мир США, Китая и Индии, следует помнить, что эти три великие державы принадлежат к яростным защитникам своего суверенитета и они совсем не собираются создавать поствестфальский мир.

Даже если Европейский союз сохранит свою лидирующую роль в мировой политике и будет настаивать на расширении институционных инноваций, вряд ли, даже предотвратив катастрофу, равную Второй мировой войне, он сможет сделать так, чтобы мир стал свидетелем «конституционного момента», такого, который мир испытал при создании системы институтов Организации Объединенных Наций после 1945 г. Сегодня ООН в качестве универсального института играет важнейшую роль в легитимизации, кризисной дипломатии, миротворческих усилиях, гуманитарных миссиях, но сам ее масштаб оказался неподходящим для многих других функций. Например, как показала Конференция ООН по климатическим изменениям (UNFCCC) в 2009 г. в Копенгагене, организовать встречу представителей почти 200 государств часто довольно трудно, ей могут мешать различные политические блоки и тактические маневры тех, кто чаще всего исключен из этого процесса вследствие отсутствия собственных ресурсов для решения функциональных проблем.

Одной из проблем многосторонней дипломатии является вопрос о том, как вовлечь всех в союз так, чтобы при этом он еще и работал. Вероятно, ответ может содержаться в том, что европейцы называют «вариабельной геометрией». То есть в существовании множества «многосторонностей», варьирующихся по манере распределения силовых ресурсов при решении различных проблем. Например, в области финансов Бреттон-Вудская конференция создала Международный валютный фонд в 1944 г., и с тех пор он расширился и сегодня включает 186 членов, но решающим фактором финансового сотрудничества до 1970 г. здесь было ведущее положение доллара. После того как доллар ослаб и президент Никсон положил конец его конвертации в золото, Франция создала маленькую группу из пяти стран в 1975 г., когда представители этих пяти встретились в библиотеке Дворца Рамбуйе для обсуждения финансовых дел [Putnam, Bayne, 1984]. Вскоре группа превратилась в «Большую семерку» и чуть позже расширила свой состав, превратившись в «Большую восьмерку» (была включена Россия и огромное количество приглашенных чиновников и журналистов). Со временем «Большая восьмерка» начала приглашать пять представителей от стран БРИК и других стран. Во время экономического кризиса 2008 г. эта структура развилась далее в «Группу 20» с более широким членством.

В то же время «Большая семерка» продолжает встречаться для обсуждения более узкого круга финансовых проблем, например, создания новых институтов, таких как Совет финансовой стабильности, и для проведения двусторонних переговоров между США и Китаем, которые продолжают играть важную роль. Как выразился один опытный дипломат, «если вы пытаетесь заключить договор об обменном курсе валют с представителями 20 стран, или как финансово помочь Мексике, как это было в начале деятельности Клинтона, – это нелегкая задача. Если цифра представителей больше 10, то очень трудно сдвинуть дело с мертвой точки» [Fauyer, 2009]. В конце концов, при трех игроках существует три пары партнерских отношений, тогда как с десятью – это 45; при 100 игроках их около 500. Или давайте возьмем проблему изменений климата, где UNFCCC будет продолжать играть ведущую роль, но скорее всего, более эффективными могут быть переговоры с

участием менее 10 стран, особенно если на их долю приходится 80% выделений парникового газа [Keohane, Victor, 2010].

Львиная доля работы по глобальному управлению будет опираться на формальные и неформальные сети и структуры. Сетевые организации (такие, как G-20) используются для формирования повестки дня и создания консенсуса, координации политики, обмена знаниями и установления норм [Martinez-Diaz, Woods, 2009].

Централизация сети может стать источником власти (силы). Анн Мари Слотер утверждает, что «сила, вытекающая из такого типа взаимосвязи, не навязывает результат своей деятельности. Сети не столько направляются и контролируются, сколько регулируются и оркеструются. Множество игроков (или участников) соединяются в одно целое, которое больше, чем просто сумма слагаемых» [Slauter, 2009, p. 99].

Другими словами, сеть дает силу для достижения желаемого результата всем вместе, а не власть над подчиненными. Мы уже видели, что эта сила сетевой деятельности может существовать и при сильных, и при слабых связях. Сильные связи, такие как союзы, «умножают силу наций множеством различных способов – предоставлением прав, предоставлением разведывательной информации, сотрудничеством в развитии вооружений и торговлей оружием, совместным размещением войск для поддержки многосторонних международных институтов, взаимовыгодную торговлю и взаимные гарантии безопасности». Но слабые связи тоже могут быть источником силы: «Потому что несмотря на их явные недостатки, глобальные многосторонние институты все же имеют значение и нация не может быть великой державой, если она не имеет весомого голоса в ООН, МВФ и Всемирном банке» [Inboden, 2009, p. 24–25].

С этой точки зрения, как замечает Слотер, прогнозы наступления Века Азии остаются преждевременными, так как США остаются центром тесной глобальной сети управления в большей степени, чем какая-либо другая страна.

Переложение с англ.: И.А. Чихарев

Литература

- Absolutely // The Economist. – L., 2010. – 23 January, N 4. – P. 75.
- Allaby D.* We underestimate the value of soft power. – 2009. – Mode of access: http://www.publicservice.co.uk/feature_story.asp?id=13333 (Дата посещения: 27.07.2012.)
- Beukel E.* China and the South China sea: Two faces of power in the rising China's neighborhood policy. – Copenhagen: Danish institute for international studies, 2010. – 26 p. – Mode of access: <http://www.diis.dk/sw92785.asp> (Дата посещения: 28.07.2012.)
- Brzezinski Z.* Second chance: Three presidents and the crisis of American superpower. – N.Y.: Basic Books, 2007. – 234 p.
- Clarke R.A.* How to win the war on terror // Newark Star Ledger. – New Jersey, 2004. – 21 November.
- Craig G., Gilbert F.* Reflections on strategy in the present and future // Makers of modern strategy: From Machiavelli to the nuclear age / Paret P. (ed.). – Princeton: Princeton univ. press, 1986. – 871 p.
- America's national interests: A report from the commission on America's National Interests. – Cambridge: The Commission, 1996. – 60 p.
- Ferguson N.* The decade the world tilted east // Financial Times. – L., 2009. – 28 December. – Mode of access: <http://www.angellam.com/news/FT.com%20-%20The%20decade%20the%20world%20tilted%20east.pdf> (Дата обращения: 12.08.2012.)
- Gaddis J.* Strategies of containment. – Oxford: Oxford univ. press, 1982. – 432 p.
- Ganz M.* Why David sometimes wins. – Oxford: Oxford univ. press, 2009. – 368 p.
- Ikenberry J.* When China rules the world: The end of the Western world and the birth of a new global order: Review // Foreign affairs. – N.Y., 2009. – Vol. 88. – Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/65610/martin-jacques/when-china-rules-the-world-the-end-of-the-western-world-and-the-> (Дата обращения: 12.08.2012.)
- Inboden W.* What is power? And how much of it does America have? // Holidays. – Dhaka, 2009. – 24 May.
- Kaul I., Grunberg I., Stern M.A.* Global public goods: International cooperation in the 21st Century. – N.Y.: Oxford univ. press, 1999. – 17 p.
- Keltner D.* The power paradox // Greater good. – Berkeley, 2007. – Vol. 8. – P. 17.
- Gallaroti G.* The power curse: Influence and illusion in world politics. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2009. – 209 p.
- Kennedy P.* Rome offers Obama a lesson in limits // Financial Times. – L., 2009. – 30 December.
- Kennedy R.* The elements of strategic thinking: A practical guide // Teaching strategy: Challenge and response / Marcella G. (ed.). – Carlisle, PA: US Army Strategic Studies Institute, 2010. – 26 p.
- Keohane R.O.* After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy. – Princeton: Princeton univ. press, 1984. – 312 p.

- Snidal D.* The limits of hegemonic stability theory // International organization. – Cambridge, MA, 1985. – Vol. 39. – P. 580–614.
- Keohane R.O., Victor D.* The regime complex for climate change. – Cambridge, MA: Belfer Center for Science and International Affairs, 2010. – 34 p. – (Harvard Project on International Climate Agreements: Discussion Paper; 10–33.)
- Kindleberger C.P.* World economic primacy, 1500–1990. – Oxford: Oxford univ. press. – 1996. – 223 p.
- Kissinger H.* Diplomacy. – N.Y.: Simon & Schuster, 1994. – 912 p.
- Kissinger H.* Realists vs. idealists // International Herald Tribune. – N.Y., 2005. – 12 May. – Mode of access: http://www.nytimes.com/2005/05/11/opinion/11iht-edkissinger.html?_r=1&pagewanted=all (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Krauthammer C.* The Bush doctrine: ABM, Kyoto, and the New American Unilateralism // The Weekly Standard. – Washington, DC, 2001. – 4 June. – Mode of access: <http://www.weeklystandard.com/Content/Protected/Articles/000/000/000/474abspw.asp> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Laidi Z.* Europe as a risk averse power: A hypothesis // Garnet Policy Brief. – Coventry: Univ. of Warwick, 2010. – Vol. 11. – 16 p.
- Illegitimacy moderates the effect of power on approach / Lammers J., Galinsky A., Gordijn E., Otten S. // Psychological Science. – N.Y., 2008. – Vol. 19. – P. 558–564.
- Luce E.* Obama doctrine hinges on economy // Financial Times. – L., 2010. – 28 May.
- Mandelbaum M.* The case for Goliath: How America acts as the world's government in the twenty-first century. – N.Y.: Public Affairs, 2005. – 320 p.
- Martinez-Diaz L., Woods N.* The G20 – the perils and opportunities of network governance for developing countries. – Oxford: Univ. of Oxford, 2009. – 4 p. – Mode of access: http://www.globaleconomicgovernance.org/wp-content/uploads/G20_PolicyBrief.pdf (Дата посещения: 27.07.2012.)
- Mayo A., Nohria N.* In their times: The greatest business leaders of the twentieth century. – Boston: Harvard Business School Press, 2005. – 444 p.
- McDougal W.A.* Can the United States do grand strategy? // Orbis. – Philadelphia, PA, 2010. – Vol. 54. – P. 165–184.
- Norrlöf C.* America's global advantage: US hegemony and international cooperation. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 286 p.
- Nye J.* The future of power. – N.Y.: Public affairs press, 2011. – 320 p.
- Nye J.* The powers to lead. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – 240 p.
- Obama B.* National security strategy. – Washington, DC: The White House, 2010. – 52 p. – Mode of access: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (Дата посещения: 28.07.2012.)
- Olson M.* The logic of collective action: Public goods and the theory of groups. – Cambridge, MA: Harvard univ. press, 1965. – 176 p.
- Putnam R., Bayne N.* Hanging together: The seven-power summits. – Cambridge: Harvard univ. press, 1984. – 262 p.
- Pomfret J.* Newly powerful China defies Western nations with remarks, Policies // Washington Post. – Washington, DC, 2010. – 15 March.

- Posen B.* Command of the commons: The military foundation of U.S. Hegemony // International Security. – Cambridge: Harvard univ., 2003. – Vol. 28. – P. 5–46.
- Posen B.R.* The case for restraint // The American Interest. – Washington, DC, 2007. – Vol. 6. – Mode of access: <http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=331> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Sanger D.* A red ink decade // New York Times. – N.Y., 2010. – 2 February.
- Restraining order: For strategic modesty* / Sapolsky H., Friedman B. H., Golz E., Press D. // World Affairs. – Washington, DC, 2009. – Vol. 172. – Mode of access: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/restraining-order-strategic-modesty> (Дата обращения: 12.08.2012.)
- Gaddis J.L.* Strategies of containment: A critical appraisal of postwar American national security policy. – N.Y.: Oxford univ. press, 1982. – 448 p.
- Slaughter A.-M.* America's edge: Power in the networked century // Foreign Affairs, 2009. – Vol. 88, N 1. – Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/63722/anne-marie-slaughter/americas-edge> (Дата обращения: 12.08.2012.)
- Suri J.* American grand strategy from the Cold war's end to 9/11 // Orbis. – Philadelphia, PA, 2009. – Vol. 53. – P. 611–627.
- Walt S.* Taming American power: The global response to U.S. Primacy. – N.Y.: W.W. Norton, 2005. – 320 p.
- Yasushi W., McConnell D.* Soft power superpowers: Cultural and national assets of Japan and the United States. – Armonk: M.E. Sharpe, 2008. – 328 p.